

Таким образом, произведения устного народного творчества могут быть интересным, богатым источником изучения диалектной лексики. Они дают возможность не только записать, растолковать, прокомментировать местные слова, что очень важно для диалектологии, краеведения, но и показать особый, своеобразный характер введения диалектизмов в фольклорный текст.

Литература

Зиброва Т.Ф. Говоры Самарского края и особенности бытования лексических единиц в условиях диалектной пестроты // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования – 1995. СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1998. С.43-47.

Оссоветацкий И.А. О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. 1975. № 5. С.66-77.

Хроленко А.Т. Введение в лингвофольклористику: Учебное пособие. М.: Флинта. Наука, 2010.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973.

Даль: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1994.

СРНГ: Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. М.; Л., ИЛИ РАН, 1965–2010. Вып. 1–43.

М.Н. Барабина (Россия, Самара)

К ВОПРОСУ ОБ УСТОЙЧИВОСТИ ТВЕРДОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ ДОЛГОГО Ш В ПОВОЛЖСКИХ ГОВОРАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ АТЛАСА РУССКИХ ГОВОРОВ СРЕДНЕГО И НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Одной из важных сторон высказывания в живой речи является его звуковое оформление – соблюдение или несоблюдение говорящим норм орфоэпии. Среди диалектных особенностей имеются такие фонетические отличия от кодифицированной речи, которые сильно режут слух слушающим. В их числе – твердые варианты шипящих фонем, имеющих в норме на современном этапе только мягкое произношение: аффрикаты Ч и долгого глухого Ш. Возникает вопрос, почему это явление продолжает устойчиво сохраняться во многих русских народных говорах, несмотря на тенденцию к их нивелировке в условиях массивированного, последовательного и разностороннего влияния литературного языка.

Предметом внимания в данной публикации будет долгое Ш, поскольку оно особенно интересно в отношении устойчивости диалектного произношения: одни исследователи констатируют очень высокую её степень в говорах (В.В. Палагина, Д.И. Алексеев, Л.А. Зелепукина, Г.Ф. Мясников, К.А. Войлова, Л.В. Голузо, Л.Ф. Путьгина и др.), другие – незначительную (В.И. Лыткин, Т.А. Хмелевская, В.Д. Бондалетов, В.А. Магин, Г.В. Зотов, В.А. Белькова, Л.М. Орлов и др.).

Вопрос об устойчивости твердого долгого глухого шипящего специально изучался нами в 1970-е годы на материале более чем трехсот говоров Куйбышевской (ныне Самарской) области, обследованных экспедициями двух куйбышевских вузов - пединститута и университета [Барабина 1980; 1982]. В ходе исследования была выявлена зависимость степени устойчивости данного диалектного явления от типа говора, в котором оно фиксируется. Анализ характера твердого произношения долгого Ш в речи различных контингентов говорящих (а именно: разных слоев диалектоносителей в десятке сел Куйбышевской области, носителей просторечия - около 70 жителей Самары, студентов вузов – более 100 человек) показал, что чрезвычайной устойчивостью эта особенность отличается у людей, связанных с севернорусскими говорами (далее с.р.). Если она имеется в с.р. диалекте (а это наблюдается более чем в 90% наших окружающих говоров), то отмечается у представителей всех социально-возрастных слоев, включая интеллигенцию, детей школьного возраста, а нередко и местных учителей-словесников. Эта черта может сохраняться у бывших севернорусов даже после их переезда в город и длительного проживания там в условиях литературного окружения, а также даже при сознательной работе информантов над своим произношением. Более того, данная особенность иногда передаётся севернорусами «по наследству» детям, родившимся уже не в селе, а в городе.

Во многих же южнорусских говорах (далее ю.р.) эта черта, если и имеется (а её наличие обнаружено менее чем в половине таких диалектов на нашей территории), то фиксируется наряду с мягким произношением, нередко в остаточном или даже лексикализованном характере (ограничиваясь словами *ваниши* или *ишии*). Во время экспедиций в говоры данного типа мы зачастую замечали её только у стариков и уже не встречали у людей среднего возраста и у молодежи. В рамках городской среды следов сохранения твердого произношения долгого Ш у бывших южнорусов нам также практически не встретилось. Всем этим и был определен вывод о разной степени устойчивости немягкого ШШ на территории Куйбышевской области в говорах разных типов.

Опубликование в 2000 г. в авторской редакции Л.И. Баранниковой Атласа русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья (АПГ), созданного на основе первоначальных рукописных вариантов карт диалектологов целого ряда поволжских вузов в процессе тридцатилетней коллективной работы [Баранникова 2000], позволило еще раз обратиться к проблеме устойчивости рассматриваемой особенности, но теперь уже на более широком материале всех позднепереселенческих поволжских говоров, вошедших в атлас (около 700 нас. пп. 5 областей). Было интересно установить, насколько картографирование явления на гораздо более обширной территории, чем одна только Самарская область, подтверждает или опровергает выявленную нами закономерность. Возможности решения проблемы были предопределены следующими двумя особенностями карт АПГ: карта №11 «Произношение согласного Щ и сочетания СЧ» (её исходный вариант подготовлен для атласа автором данной публикации) отражает, в соответствии с общей установкой АПГ, только самое наличие вариантов произношения долгого глухого Ш, без их количественного соотношения; карта №2 «Типы русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья» показывает распространение говоров трех основных типов по традиционной классификации, без уточнения основ вторичных среднерусских (далее ср.р.) говоров. Первое обстоятельство позволяет определить степень устойчивости рассматриваемого диалектного явления не прямо, а опосредованно – через степень его сохранности в современных переселенческих говорах, что, в свою очередь, можно установить путем сравнения материнских и дочерних диалектных систем. Второе обстоятельство ограничивает сферу сопоставления только ср.р. (окающими) и ю.р. говорами, поскольку для выяснения возможной предпочтительности в употреблении тех или иных вариантов произношения долгого Ш в позднепереселенческих ср.р. говорах (с интересующей нас точки зрения) необходимо знание их основ (естественно, при проявлении таковых в реальности), чтобы отнести к ср.р. или ю.р. языковой стихии и учесть в соответствующей группировке.

Материнскими для окающих говоров на территории АПГ являются прежде всего владимиро-поволжские говоры Волго-Камья. По данным исследователей, долгие шипящие в последних «всегда тверды» [Смолякова 1977: 47]. Да и на центральной европейской территории раннего заселения подобное произношение очень распространено. Как показала предпринятая нами количественная обработка значковых карт всех северных томов ДАРЯ в архиве ИРЯ АН, твердое долгое Ш встречается в 90,6% говоров ср.р. наречия (904 нас.пп. из 997). Не очень принципиально отличаются от этих показателей данные в целом по окающим говорам АПГ – более чем 70% нас. пп. (120 из 171). Еще более внушительно выглядит цифра, свидетельствующая о количестве из них говоров с безвариантным диалектным произношением – 98 из 120 (82%).

По вполне объяснимым причинам (междиалектное влияние), владимиро-поволжские говоры АПГ, территориально более приближенные к массиву волго-камских диалектов, имеют более высокую степень распространения данной черты, чем удаленные от них и контактирующие с ю.р. диалектами. Так, в ульяновских говорах немягкое ШШ фиксируется в более чем 80% нас. пп. с оканьем (36 из 44), в куйбышевских – в более 90 % (54 из 58), в то время как в саратовских – в менее 40% (22 из 53). Сходной с саратовской выглядит картина в волгоградских (1 из 2) и в пензенских говорах (7 из 14), однако она не может быть убедительной из-за их малочисленности, объясняющейся либо малым общим количеством ср.р. говоров области - в первом случае, либо существенным ограничением территории, вошедшей в АПГ, - во втором случае. В целом же приведенные показатели и, главное, их сопоставление с данными по исконной территории говорят о достаточно высокой степени сохранности рассматриваемой черты в поволжских переселенческих ср.р. говорах и, следовательно, о её несомненной устойчивости в них.

Но еще более убедительными для подтверждения обнаруженной в куйбышевских говорах тенденции оказываются на территории АПГ ю.р. говоры. Результаты диахронического развития в них долгого

глухого шипящего в сторону заметного стирания диалектных вариантов совершенно очевидно при сопоставлении этих говоров с материнскими. Сравнивая количественные данные по ю.р. говорам территории раннего заселения (путем анализа значковых карт Южного тома ДАРЯ в архиве ИРЯ АН) и по генетически связанным с ними поволжским диалектным системам АПГ, мы видим, что в материнских говорах оно представлено более чем в 80% нас.пп. (977 из 1204 – 81,2%), в то время как во вторичных говорах – менее чем в 20% (36 из 185 – 19,5%).

Высокая распространенность твердого ШШ в ю.р. говорах территории раннего заселения общеизвестна. Не случайно со времен А.А. Шахматова, А.И. Соболевского, членов МДК – Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколова, Д.Н. Ушакова и многих других их последователей – П.С. Кузнецова, Р.И. Аванесова, И.Г. Голанова и др. эта черта считается общим признаком именно ю.р. наречия. (Однако, как видно из наших подсчетов по значковым картам ДАРЯ, твердое произношение в ю.р. говорах на европейской территории отмечается все-таки чуть реже, чем в с.р.-х – в 81,2% говоров против 90,6%).

Степень распространения твердого ШШ в представленных на территории АПГ ю.р. говорах колеблется от 38,9% в Самарской области (14 нас.пп из 36) до 16,4% в Волгоградской (10 из 61) и 12,6% в Саратовской (11 из 87). В Ульяновской области имеется всего один нас.пп. с ю.р. типом говора (в нем произношение долгого Ш отмечено как твердое), а в Пензенской – ни одного. О тенденции к заметному стиранию данной особенности именно в XX веке может свидетельствовать сопоставление данных по Волгоградской области, разделенных тремя десятилетиями. В картах диалектологического атласа Л.М. Орлова, составленного в 1969 г. [Орлов 1969], из 82-х типичных ю.р. говоров «знают» твердое произношение долгого глухого шипящего 36 (43,9%).

Приведенные данные, на наш взгляд, и свидетельствуют о незначительной устойчивости рассматриваемого явления в ю.р. говорах на территории АПГ. Небезынтересно будет заметить, что и все встретившиеся нам в диалектологической литературе замечания о невысокой устойчивости твердого ШШ относятся именно к ю.р. говорам, в то время как по с.р. диалектам констатируется его чрезвычайно устойчивый характер. При этом надо учесть, что наши окаяющие говоры существуют в условиях переселения гораздо дольше, чем акающие ю.р.-ие (с разницей до двух-трех столетий). Вопрос о причинах выявленных различий нуждается в специальном освещении.

Литература

Барабина М.Н. Шипящие согласные в говорах Куйбышевской области (Проблема устойчивости диалектного произношения). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1980. 22 с.

Барабина М.Н. Об устойчивости твёрдого произношения долгого Ш в говорах Куйбышевской области (На материале социолингвистического обследования разных контингентов диалектоносителей) // Вопросы русской диалектологии. Куйбышев, 1982. С. 32-45.

Баранникова Л.И. Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 104 с.

Орлов Л.М. Диалектологический атлас русских народных говоров Волгоградской области. Волгоград, 1969.

Смолякова Л.П. Формирование фонетической системы русских говоров Волго-Камья (с учетом иноязычных влияний). М.: Наука, 1977. 192 с.

М.В. Бондаренко (Россия, Самара)

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АССОЦИАТИВНЫХ СТРУКТУР И ВАРИАТИВНОСТЬ МЕТОНИМИЧЕСКИХ СМЫСЛОВЫРАЖАЮЩИХ МОДЕЛЕЙ В ЯЗЫКАХ РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУР

Понимание языка как сложной открытой системы связано с его внутренней неоднородностью, многомерностью, структурной иерархичностью. Метонимические парадигмы в типологически различных языках характеризуются специфической динамикой, обнаруживая черты роста систем реализации одних метонимических типов и рецессивности других. Вследствие этого, системы метонимического переноса являются неравновесно-динамическими образованиями, также как и язык в целом «является нестабильным, меняющимся, эволюционирующим миром» [Базылев 1999:20]. Развитие новых метонимических зна-